

Татьяна Князева

Татьяна Князева

Ле-диз-то. Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43650800

ISBN 9785005027245

Аннотация

Этот сборник стихотворений представляет собой своеобразный поэтический дневник, каждый раздел которого – веха в жизни и творчестве автора. Книга включает 50 избранных стихотворений разных лет и сопровождается авторскими иллюстрациями.

Содержание

Об авторе	6
Вместо предисловия	7
Часы	10
Часы	10
Мне шесть	13
Детское время	15
Санки	17
Липы	19
Длинные фуры	21
Песчаные метели	23
Карусели в росе	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ле-диез-то Стихотворения

Татьяна Князева

Иллюстратор Т. Н. Князева

Дизайнер обложки Т. Н. Князева

Фотограф А. Б. Ленина

Редактор К. Ю. Иоутсен

© Татьяна Князева, 2019

© Т. Н. Князева, иллюстрации, 2019

© Т. Н. Князева, дизайн обложки, 2019

© А. Б. Ленина, фотографии, 2019

ISBN 978-5-0050-2724-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Татьяна Князева родилась в Москве в 1989 году. С детства увлекаясь искусством, пробовала себя в самых разных его направлениях – от живописи до хореографии, но одним из основных видов её творчества была и остаётся поэзия. С середины 2000-х годов стихи Татьяны появлялись в поэтических сборниках и периодических изданиях, а также на интернет-портале «Стихи.ру» под псевдонимом Лиловая Клякса.

Татьяна окончила редакторский факультет Московского государственного университета печати по специальности «литературная журналистика». В течение нескольких лет работала редактором отдела поэзии «Книжной газеты», а также корреспондентом «Российской газеты». Оставив журналистику в 2011 году, посвятила себя музейному делу в Государственном литературном музее.

С 2014 года – хранитель Дома-музея Корнея Чуковского в Переделкине.

В эту книгу вошли избранные стихи Татьяны, написанные в 2006—2019 годах, с авторскими иллюстрациями.

Вместо предисловия

Эта книжка, несмотря на летне-музыкальное название, недаром открывается стихотворением «Часы».

В детстве у меня были игрушечные настольные часы. За их прозрачным циферблатом с пластмассовыми стрелками можно было увидеть весь механизм – несколько разноцветных шестерёнок разного размера. Самая маленькая и быстрая из них была соединена сзади с маятником деталью в виде красной буквы «п» – анкерным механизмом, заставляющим часы тикать. Шестерёнки послушно вращались, маятник ходил туда-сюда, а я ещё не умела определять время, поэтому результат всей этой скрупулёзной и точной работы меня не интересовал. Я вынимала стрелки, чтобы они не мешали смотреть сквозь циферблат на то, что происходило внутри.

Часы были механические, но я тогда не понимала, зачем их надо заводить. Маятник не хотел раскачиваться сам по себе и, качнувшись влево-вправо, обиженно останавливался. Но стоило несколько раз повернуть большой железный ключ и коснуться маятника, как часы начинали громко тикать. Это было не просто тиканье, а огромный труд игрушечных часовых деталей, как будто гномы под землёй стучат маленькими кирками.

Я подолгу сидела перед часами, и каждая деталь казалась

мне живой. Сначала я думала, что главный – маятник. Если его остановить рукой, тиканье прекращалось, часы замирали. Потом я стала думать, что главная – та маленькая анкерная деталь, которая соединяет маятник с шестерёнками. Если бы она потерялась, часы бы точно перестали работать. Но эта красная деталька была слишком суетливой и не нравилась мне. Я любила шестерёнки. Самая быстрая – зелёная, – с кривыми редкими зубцами, соединялась с жёлтой, побольше, та – с оранжевой и так далее. Каждая следующая вращалась медленней предыдущей, а последняя, невзрачная, белого цвета, казалось, не вращалась совсем. Но именно из её центра торчал железный ключ, заводивший часы, и этим она вызывала у меня уважение.

А потом я поняла, что всё наоборот, – что всё движение, несмотря на быстрое раскачивание маятника, исходит из этой невзрачной белой шестерёнки, которая почти не двигается. Если крепко сжать ключ, то почувствуешь, как он очень медленно поворачивается благодаря какой-то невидимой силе. И если попытаться удержать ключ на месте, он всё равно будет упрямо поворачиваться, вырываясь из пальцев, незаметно вращая белую шестерёнку, которая, в свою очередь, заставляет крутиться другие – быстрее и быстрее, от одной к другой, пока самая быстрая из них не создаёт громкое тиканье, отсчитывая секунды, раскачивая маятник.

А что такое время, если не качание маятника, отсчитывающее секунды, минуты и часы, придуманные нами в попытке

почувствовать, как поворачивается в пальцах ключ, а вместе с ним и самая главная и медленная шестерёнка...

И вот я берусь за карандаши или кисти, как будто стараюсь нащупать ключ, сжать его, остановить движение. Или пытаюсь повернуть его против часовой стрелки, развернуть тугую пружину, заглянуть в будущее. Тиканье часов, раскачивание маятника – это жизнь, суета, без которой

часы перестанут работать. Но там, где-то в глубине, благодаря невидимой тугой пружине, то и дело совершает полный оборот незаметная, но самая важная для меня деталь всего механизма.

Стихи в этой книжке – это просто попытка поймать движение той загадочной медленной шестерёнки. То и дело сбиваясь с ритма и теряя рифмы, я стараюсь не выпускать ключа, вращение которого будет продолжаться, пока невидимая рука не остановит маятник.

Спасибо тем, кто помог мне снова поверить в себя, а этой книге – сбыться.

Часы

Часы

Жили-были часы на шкафу платяном:
Жёлтый маятник, россыпь цветных шестерёнок.
Я, играя, сама заводила их днём.
Они тикали так, чтобы слышал весь дом,
И спешил по дорожке игрушечный львёнок.

В тех старинных часах механизм был такой:
Если ключ повернуть, то сожмётся пружина,
И тогда, только маятник тронешь рукой,
Шестерёнок надолго нарушишь покой
И разбудишь уснувшего джинна.

Я в то время умела считать до семи.
Шестерёнок в часах было семь или восемь.
Я училась у этой зубастой семьи.
Подорожник пылился, цеплялись репы,
Приходила ещё не знакомая осень.

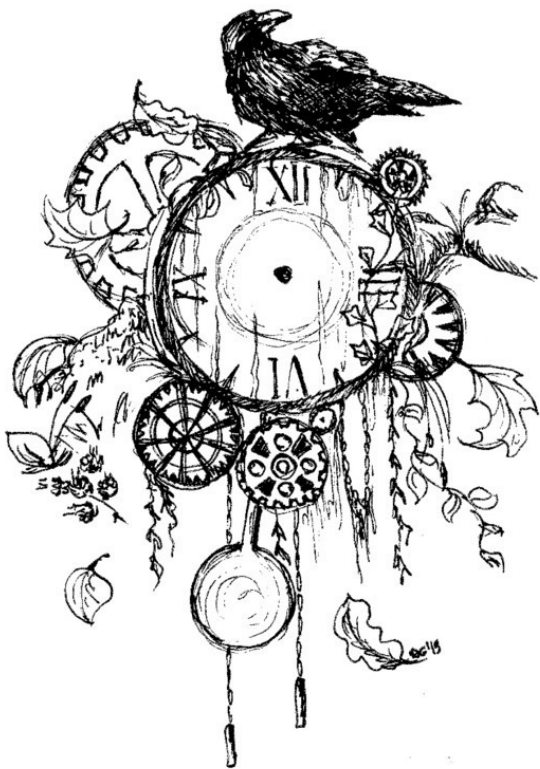
Жили-были мечты в детском сердце моём:
Жёлтый маятник, россыпь цветных шестерёнок.
Я играя, сама сочиняла их днём,

Сердце билось так громко, чтоб слышал весь дом,
И спешил по дорожке игрушечный львёнок.

В глупом сердце моём механизм был такой:
Если ключ повернуть, то сожмётся пружина,
И тогда, только маятник тронешь рукой,
Шестерёнок надолго нарушишь покой
И разбудишь уснувшего джинна.

Я, как в детстве, умела считать до семи
Под задумчивым шёпотом ветреных сосен.
В тихий август по травам я шла напрямик,
Подорожник пылился и липли репы.
Наступала такая знакомая осень.

2017

Мне шесть

Мне шесть. Я герой. Я с утра без опаски
Ночных мотыльков выпускаю с терраски.
Им хочется жизни. Я их понимаю —
Бегу на крыльцо и ладонь разжимаю.

Мне шесть. Я и повар, и врач, и художник.
К разбитой коленке прижав подорожник,
Сажу на скамье и рисую в тетрадке,
И кружатся листья над детской площадкой.

Мне шесть. Я в гостях у неведомой тётки
Черешни ловлю в неостывшем компоте.
И мне темнота не страшна, ведь я, кстати,
Подпрыгнув, смогу повернуть выключатель.

Мне шесть. На ковре есть дороги и рельсы,
А в ванной, за тёмным и сумрачным лесом,
Есть омут с прозрачной водой. Я ныряла
И лично рукой глубину проверяла.

Весь мир не увидишь в окно. Он огромен.
А я наизусть помню бабушкин номер.
И много чего в моей памяти есть.
Мне шесть, а точнее —
четырежды шесть.

2012

Детское время

Зелёное стёклышко с вечным секретом —
Закончилось детство, кончается лето,
Где нет ни часов, ни будильника нет, и
Всё старше и старше ты с каждым рассветом.

Наверно, за то, что мы стали взрослей,
Нам крохою кажутся сто летних дней.
Нас жадное время совсем не щадит
И лишней минуткою не наградит.

Но там, в нашей школе, всё так же неспешны
Часы над доскою, и мне делом грешным
Всё кажется – если повесить их дома,
То время пойдёт, как тогда – по-другому.

И вновь за окошком с открытой фрамугой
Пронзительно пахнет асфальтом и югом,
И время торопишь, и ждёшь переменки,
И смотришь с тоской на ленивые стрелки.

2017

Санки

А там, на балконе, с далёких веков
И санки, и ёлка, и вьюга под вечер.
Зима – это несколько робких шагов
В сугробы, морозному детству навстречу.

В заснеженный, синий, серебряный двор
Вприпрыжку по лесенке и на дорожку,
Где падает снег, расстилая ковёр,
Где пять снегирей, три синицы и кошка.

И если всё тонет в бесцветной грязи,
В холодной как лёд, пересоленной каше,
На стареньких санках меня увези
Подальше отсюда.
Подальше.
Подальше.

2016

Липы

Липы цветут словно в детстве и там, по ту сторону.
Сердце щекочут зелёным синичьим гомоном.
Нитки травы в изумрудах и ветер чуть слаще.
Третье июля и жаркое летнее дальше.

Липы ведут прямо в детство, туда, на ту сторону —
Гладить собак и делить мандарины поровну.
Липы зовут на согретые солнцем качели
В мир беззащитно-зелёный и рыже-вечерний.

Липы рисуют узорную тенью на крышах.
Липы растут в позапрошлом выше и выше.
Где-то внизу, как щенок, на беспомощных лапах,
Молча глотаю, глотаю, глотаю их запах.

2011

Длинные фуры

Кто-то следит каждый день за нами.
И, полыхая в осеннем рассвете,
Длинные фуры, гружённые снами,
Через барханы уходят в ветер.

А где-то в поросшем крапивой кювете
Забывшие сны, словно книги, мокнут,
И счастливы мы... на другой планете,
Где молча не смотрим друг другу в окна.

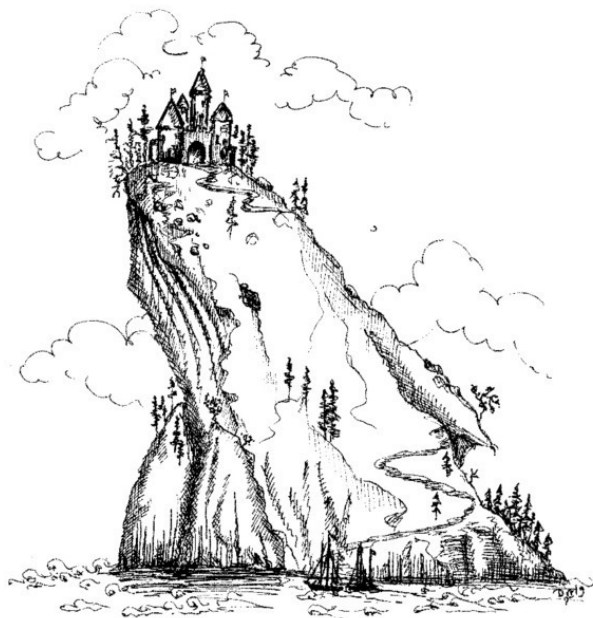
Где мы болеем неизлечимо
Разными формами сладкой бессонницы...
Где мы спокойно проходим мимо
Друг друга, и после плакать не хочется

От неизбежности... Пасмурной свежести
Взглядов, холодных по осторожности,
От белоснежности...
снежности...
нежности —
От безнадёжности и от ничтожности.

Там, на какой-то другой планете,
С палубы нас не смывает штормами,
Там вряд ли кто-то следит за нами...

Там мы такие же... Только – дети.

2006

Песчаные метели

Искрятся лужи и скрипят качели,
Все в пятнышках шатающейся тени.
Под лапами – песчаные метели,
И все мечты, что сбыться не успели.

В пути нет цели, словно в глупой драке,
И шкаф забит ненужными вещами,
Я – лучший друг нечёсаной дворняге
С торчащими мохнатыми ушами.

Когда-нибудь мы превратимся в камни
Или в лиловых ящериц крылатых.
Здесь всё смешалось, окунувшись в тайну,
И в прошлое плывут, как лодки, даты.

А сны, как силуэты, бродят молча,
Вдоль стен, круги сужая, – рано, рано...
А утром – дети знают это точно —
Ныряют в складки шерстяных диванов...

Моё двадцатое бушует лето,
Сосновым ветром гонит мыслей стаи.
Пекинские огни... В огне Цхинвали...
Слайд-шоу из закатов и рассветов.

Я двадцать пятым кадром вижу осень,
И солнце сквозь знамёна алых клёнов,
И гордый шёпот среди рыжих сосен,
Самодовольных и вечнозелёных.

Автомобили, словно привидения,
Сквозь ленты ливней лезущих в потёмки,
И листья книг, которые желтели
Не на деревьях, а на пыльной полке...

Перекипит, и мне приснится этот
Прозрачный бред, и лужи, и качели.
Мы будем выть на Сириус дуэтом —
Я и мои песчаные метели...

2008

Карусели в росе

Осколками звёзд и стеклом разрезая лапы,
В туманную ржавь, как придётся, куда придётся
Бежать от себя – как от тени бежать на запад:
Она не отстанет, пока не закатится солнце.

Теплеет. Всё слаще ветра и всё дальше метели.
И липкая вата на пальцах цветущих вишен.
Промокшие в майской росе, заскрипят карусели
На дне твоей памяти, там, где никто не услышит.
Бежать от себя, задевая в толпе прохожих,

Цепляясь за выступы крыш и обломки апрелей.
А каждый из тех, кто навстречу (поспорим?) тоже
Бежит от себя как от поезда по туннелю.

И вот убежал, показалось, и тьма, и затишье.
В ушах только звон от лилового псевдо-забвенья.
И вдруг в пустоте, где-то рядом с собой, услышишь,
Как сам же, с дороги устав, ты вздохнул с облегченьем.

Весь мир, искажаясь в глазах твоих, пенясь и плавясь,
Не устаёт быть, как рельс, параллельным небу.
Вот так! Мы попались, мы все, как один, попались —
На эту луну, на большую горбушку хлеба.

Теплеет. Всё слаще ветра и всё дальше метели.
И липкая вата на пальцах цветущих вишен.
Промокшие в майской росе, запоют карусели
На дне твоей памяти, там, где никто не услышит.

Но я подхожу и сажусь на холодную лошадь
С пластмассовым взглядом невидящих глаз блестящих.
И ветер ладонями хвост лошадиный ерошит,
Такой нерасчёсанно-синий, такой настоящий...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.